

На седой реке Волхов с давних времен стоит славный Новгород. Не случайно в древности называли его господином! Новгородские стены одним своим видом отпугивали врагов, а новгородский торг был известен всему купеческому миру. С ранней весны до глубокой осени, словно птицы, скользили по Волхову корабли с товарами. Зимой же, когда на Волхове вставал лед, звенели колокольчиками обозы саней. Из европейских стран везли в русский город вина и стеклянные кубки. Из далекого Китая доставляли сюда драгоценный шелк. Раскладывали арабы на бесчисленных лавках золотые и серебряные украшения, алмазы, рубины, изумруды, сапфиры... Варяги продавали мечи и шлемы.

Но и жители Новгорода тоже были не лыком шиты: знали их как умелых торговцев! Славился Новгород мехами куниц, соборей и чернобурых лис, медом, дегтем, воском, пенькой, парусиной, льняными одеждами. Торговали купцы-новгородцы на берегах Балтийского моря, в Константинополе и в далеком Багдаде. Во многих заморских городах раскинулись их дворы.

Жил в те давние времена в Господине Великом Новгороде один парень, и звали его Садко. Всем хорош был Садко — статен, красив, широкоплеч. Девушки на него засматривались. Но главное — во всем городе не было лучше гусяра: оттого-то и приглашали Садко на пиры как самого почетного гостя. А как же иначе? Не шло без него веселье!

Приходил он, садился, снимал с плеча свои гусли-перегуды да так начинал играть, что все невольнo пускались в пляс. Парень ногой притопывает, гостям подмигивает, плечами поводит... Любо-дорого посмотреть! А голос бархатный: запоет — заслушаешься. Гусли звонкие: про такие говорят — с серебряным звоном. Только тронет Садко струны — поднимаются сразу с лавок и стар и млад. И ведь не сесть никому, пока гудят его волшебные гусли-перегуды! Пляшут гости до полного изнеможения. Бывало, вдоволь наплясавшись, просят остановиться — куда там! Садко и дела мало: знай себе поет да играет.

Все бы хорошо, но уж больно Садко был горделив. И похвастаться тоже любил!

Позвали его однажды на пир к знатному боярину Твердыне Мстиславовичу, усадили на приготовленном месте. Однако место оказалось возле самых дверей, не понравилось оно гусле-рю. Встал Садко, подбоченился и заявляет хозяину при всем честном народе:

— Не найти тебе, Твердыня Мстиславович, во всем Господине Великом Новгороде такого гусле-рю, как я. А раз ты меня пригласил на пир, то внимательно выслушай. Негоже мне ютиться у входа вместе с нищими, как дворовому псу! Посади меня рядом с собой, поднеси мне первому кубок — только тогда буду играть тебе и твоим гостям.

Боярин не на шутку рассердился. Закричал, затопал:

— Как ты смеешь говорить мне подобное?! Кто ты такой, чтобы я тебя рядом усаживал да еще и кубок тебе подносил? Молоко на твоих губах еще не обсохло, борода толком не выросла, а уже приказываешь старым людям! Голь ты перекатная — ни кола ни двора, в товарищах у тебя одни гусли-перегуды. Вот как я решил тебя наказать за твою гордыню: попрошу всех честных новгородских купцов, чтобы с этих пор не приглашали они такого

наглеца на свои пиры. А теперь ступай вон из моего дома, подайся немедленно с моего крыльца, не то спущу собак, прикажу слугам вытолкать тебя со двора взашей.

Боярский гнев несколько не испугал гусяра. Засмеялся Садко и говорит хозяину:

— Голос мой таков, что им заслушиваются даже птицы! А когда начинаю перебирать серебряные струны, никому не усидеть за столом. Весь Господин Великий Новгород знает — без меня и пир не пир, и пляска не пляска. Всегда за честь почитали новгородцы звать меня на веселье. Так что они тебя не послушают — завтра же буду сидеть за столом, веселить людей.

Перекинул Садко за плечо свои гусли и, посвистывая, ушел. А того не заметил, что гостей задело его поведение. Быстро разнеслась по городу молва, что гусяр зазнался — обидел уважаемого всеми человека.

И решили земляки Садко проучить.

Вот один день минул, за ним другой, третий — ждет парень, что позовут его на пиры. Да только напрасно выглядывает он из окна своей бедной избушки — никто не приглашает его к застолью. Вот уже и четвертый день наступил — сидит Садко дома один-одинешенек, все словно забыли про него.

Разозлился он на новгородцев.

— Ну и ладно! — говорит. — Если люди меня не слушают, пойду на Ильмень-озеро, сяду на бел-горюч камень, положу на колени гусли да сыграю гусям-лебедям и серым уткам.

Пришел на берег Ильмень-озера, сел на бел-горюч камень и грянул что есть мочи плясовую: поет во всю свою богатырскую силу, перебирает струны. Со всего Ильмень-озера слетелись к гусяру птицы: кружат над ним, заслушиваются его игрой. А в озере вдруг всколыхнулась вода, пошли по воде круги, да только Садко этого не заметил. Наигрался — и побрел домой.

Неделя пролетела: по-прежнему не зовут Садко на пиры, не подносят даров, не льстят, не упрашивают. Тут бы ему понять, что нужно перед людьми извиниться — поклониться им в пояс, попросить прощения, да не таков парень. Не хочет он никому кланяться.

— Ну и ладно! — говорит. — Если люди меня не слушают, пойду-ка я к Ильмень-озеру, сяду на бел-горюч камень, сыграю плясовую озерным рыбам.

Вновь пришел он на берег, положил на колени гусли. Залились его перегуды — играют они теперь озерным рыбам. Подплыли к самому берегу сомы, судаки, налимы, лещи, карпы, караси да окуни: собралось их видимо-невидимо. Пляшет озерная рыба, да

так, что выскакивает из воды. Еще больше всколыхнулось озеро, поднялись с его дна пузыри, пошли по нему волны, только Садко опять этого не заметил. Наигрался — и отправился к дому.

Месяц с тех пор прошел: не зовут жители Новгорода к себе Садко, дорогу забыли к его избе — словно гусляра и не было. Ему уже и есть нечего: в избушке хоть шаром покати, но гордость есть гордость.

Решил тогда Садко:

— Ну и ладно! Если люди меня не слушают, пойду-ка я на берег Ильмень-озера, сыграю самому морскому царю!

В третий раз пришел он на берег, сел на камень, гусли положил на колени. Проснулись его перегуды, зазвенели струны. Притопывает

Садко, наигрывает, напевает веселые песни. Пошел вдруг по всему берегу ветер, нагнулись кусты и травы, поднялись великие волны. Взбурлило озеро, расступилось — и показался сам царь морской. Высотой царь с водяной холм, борода у него из озерной тины, усы — словно два золотых водопада, а зубы белые, как речной жемчуг. В одной руке у царя острый трезубец, в другой — морская раковина. Хохоchet царь, подмигивает и говорит гуслиарю:

— Славно развеселил ты меня, Садко Новгородский! Давно уж я так не радовался! Вновь стал молодым: ноги мои сами собой пускаются в пляс, ходят ходуном! Хороши твои гусли! И голос твой силен и звонок! Не знаю, чем тебя и наградить за такую игру.

Говори, что хочешь получить за то, что меня, старика, повеселил и побаловал.

Не испугался Садко. Встал с камня и гордо отвечает:

— Ничего мне не нужно!

Царь, однако, не унимается:

— Подумай, Садко! Все готов для тебя исполнить.

Упрямится парень:

— Ни о чем не хочу я просить!

Но морского царя не провести:

— В последний раз предлагаю тебе, Садко, свою помощь.

Смотри не пожалей, если снова откажешься.

И признался гусяр:

— Сильно обидели меня новгородские люди! Называют перекатной голью. Смеются над моей бедностью! А если и зовут к себе, то сажают с краю стола у самых дверей, словно последнего нищего.

Говорит тогда морской царь:

— Это беда не великая! Вот тебе ячеистая сеть. Соткана она из паутины подводного зверя-пучеглаза. Живет пучеглаз в моем царстве, в самом глубоком омуте, и плетет свою паутину крепче любого каната и тоньше конского волоса. Иди не мешкая с этой сетью на новгородский торг, созывай именитых купцов и побейся с ними об заклад, что выловишь из Ильмень-озера рыб — золотые перья. Только цену подними самую высокую! Пусть купцы заложат все свои лавки. А ты — заложь свою голову. Да не бойся, не подведу: обещаю тебе златоперых рыб, обещаю невиданное богатство. А за все это лишь об одном прошу тебя, Садко. Должен ты время от времени приходить сюда, на берег славного Ильмень-озера, садиться на бел-горюч камень да играть на гусях-перегудах — тешить и радовать меня игрой. И мне, старику, хочется иногда повеселиться и поплясать...

— Что же, — отвечает Садко. — По рукам!